

ПОЭЗИЯ ФРИДРИХА НИЦШЕ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ

Валерия Богатырева

Белорусский Государственный Университет, Минск, Беларусь
vernikovskayava@yandex.ru

В статье рассматривается поэтическое наследие Фридриха Ницше в контексте культуры рубежа XIX–XX веков. Лирическая поэзия быстро и ярко реагирует на изменения в культурном сознании эпохи. При помощи литературоведческого и культурологического анализа показано, как основные мировоззренческие концепты *fin de siècle* нашли свое отражение в поэзии Ницше. Она представляется и как парафраз к его философии, и как самостоятельная творческий элемент, уловивший «дух времени».

Ключевые слова: поэзия, Ницше, рубеж веков, *fin de siècle*, «переходная эпоха», «Дионисийские Дифирамбы»

FRIEDRICH NIETZSCHE'S POETRY IN THE CONTEXT OF THE CULTURE AT THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES

Valeryia A. Bahatyrova

Belarusian State University, Minsk, Belarus

This article examines the poetic legacy of Friedrich Nietzsche in the context of the culture of the turn of the nineteenth and twentieth centuries. Lyric poetry reacts quickly and vividly to the changes in the cultural consciousness of the era. With the help of literary and culturological analysis it is shown how the main worldview concepts of the *fin de siècle* are reflected in the Nietzsche's poetry. It is presented both as a paraphrase to his philosophy and as an independent creative element that captured the «spirit of the time».

Keywords: poetry, Nietzsche, turn of the centuries, «*fin de siecle*», «*transitional period*», «*Dionysian-Dithyramps*»

Поэзия Фридриха Ницше (Friedrich Nietzsche, 1844–1900) – важная и оригинальная часть его творческого наследия. Кроме того, это одна из ключевых составляющих понимания его как философа, филолога и писателя. Для комплексного исследования феномена творчества Ницше необходимо, по мнению Ж. Гарнье, «стараться стать “хорошими филологами” ницшеанства» [2, с. 21], то есть применять для понимания текстов Ницше ту модель познания, которую использовал он сам.

Контекст эпохи *fin de siècle*, современным и олицетворением которой был сам Ф. Ницше, задает определенный вектор исследования его лирики. Эпоха конца XIX – начала XX вв. отличалась особыми чертами, присущими «переходным эпохам» в целом, но также и имела ряд специфических характеристик, свойственных только этому культурно-историческому отрезку. Под «переходной эпохой», с точки зрения российского исследователя Н. А. Хренова, понимается: смена картин мира, изменение в восприятии пространства-времени, активизация в переходных ситуациях мифа и архетипа, культ творчества, открытие логики «вечного возвращения», эсхатологическое переживание истории, активизация личности маргинального типа, кризис коллективной идентичности, автономизация искусства и обособление его видов [5]. Таким образом, «переходная эпоха» – момент слома старых культурных парадигм, переосмысления основных темпоральных структур (т.е. иное отношение к прошлому, настоящему и будущему) и момент переоценки вариантов отношений человека, Бога и творчества. В свою очередь, к особенностям эпохи рубежа XIX–XX следует отнести: особое трагическое мироощущение, предчувствие ужаса надвигающихся общечеловеческих катастроф XX века и, как следствие, утраты смыслов, осознание суетности и бренности бытия, хрупкости человеческой жизни, поворот к крайнему индивидуализму, уход от реальности в область чистого творчества. Фридрих Ницше, его жизнь и творчество стали, своего рода эмблемой *fin de siècle*. Таким образом, «переходный» характер эпохи рубежа веков будет служить интегратором и общим знаменателем для осмысления поэзии Ницше.

Поэтическое наследие Ницше представлено следующими текстами: «Дионисийские Дифирамбы», «Песни Заратустры», «Смех, месть и хитрость, пролог в немецких виршах» (вступление к «Веселой науке»), «Песни принца Фогельфрай» (послесловие «Веселой науки»), а также стихотворениями разных лет. Лирика Ницше не рождалась вне его философии, она является неотъемлемой частью его интеллектуального труда. А. Г. Аствацатуров пишет: «Поэзия – зеркало философии Ницше, в котором он видит себя не как Нарцисс, а чувствует себя единым с состоянием рождения мысли. В стихах он творит древнейший синтез мысли и

поэзии. Нельзя забывать, что фундаментальные идеи философии Ницше, такие, как вечный конфликт становления и бытия, борьба света и тьмы, вечное возвращение того же самого, имеют мифопоэтический характер, следовательно, поэзия в этой философии всегда на своем месте» [1, с. 56]. Философия и поэзия у Ницше неразделимы, философские тексты, скорее, ближе по своим интенциям к творчеству французских символистов и немецких экспрессионистов, нежели к философии как таковой. Его по праву именовали «поэтом-философом» (нем. «Dichterphilosoph»). Немецкие исследователи К. Грэц (K. Grätz) и С. Кауфман (S. Kaufmann) указывают, что этот термин закрепился за Ницше еще при жизни и стал константой в последующей рецепции его творчества [7]. К этому кругу поэтов-философов причислен и Ф. Гёльдерлин, – важный поэтический, философский и эстетический ориентир, как для Ницше, так и для всего немецкоязычного пространства эпохи fin de siècle. Поэзия и искусство для Ницше – это та мощная созидающая сила, которая в состоянии вывести западноевропейскую цивилизацию из культурного кризиса.

На рубеже XIX–XX вв. особенно остро стоял вопрос переосмысления творческой парадигмы, поиск новых художественных смыслов и форм для их выражения. Место и роль поэта и поэтического творчества также подвергалась переоценке. Ницше по-своему осмысляет роль поэта и поэзии в «Веселой науке». Например, в афоризме 84 он пишет, что поэзия издревле обладала «суеверной полезностью», то есть была так называемым «магическим арканом» для богов, принуждающим их содействовать человеку в его просьбах [4, с. 338]. Мысль, облеченная в метрическую форму, ощущается более истинной. Однако здесь кроется философский парадокс: «для истины опаснее, когда поэт ее одобряет, чем когда он ей противоречит! Ибо, как говорит Гомер: “Много лгут поэты!”» [5, с. 340]. Этот тезис хорошо иллюстрирует одно из самых известных стихотворений Ницше из сборника «Дионисийские дифирамбы»: «Глупец! Пиита!» («Nur Narr! Nur Dichter!»): «Взыскующий истины – ты? – Насмешники! / Всего лишь пиита! / Зверь, хитрый, хищный, крадущийся, / на ложь обреченный. / на заведомую неизбывную ложь, / добычи алчущий, / личину носящий, / с личиной сроднившийся, / добычею ставший, / не это ли значит – / взыскующий истины? / Глупец! Пиита! / Пестро глаголящий, / в шутовском обличе пестро глаголящий, / по лукавым виадукам словес восходящий, / по лживым радугам / меж поддельными небесами / крадущийся и шныряющий – / глупец! Пиита!» (пер. В. Топорова) [4, с. 62–63].

Здесь большие лавинообразные предложения, свободный ритм и усложненный синтаксис точно повторяют гёльдерлиновскую манеру стихосложения. Его сложный, герметичный поэтический язык Ницше воспринимал как основную черту истинной философской поэзии. Как и Гёльдерлин, Ницше в своих строфах заглядывает в бездну собственной души. Ф. Г. Юнгер, сравнивая двух поэтов отмечал, что Гёльдерлин первый вступает на стезю дионисийского начала: «Выбирая между титаническим и дионисийским становлением, Гёльдерлин решает в пользу Диониса» [6, с. 86]. Ницше видит и ощущает здесь особое духовное родство с поэтом, ведь строки «Глупец! Пиита!» могут быть проинтерпретированы и как обращение к Дионису. Оригинальность стихотворения заключается в особой черте присущей и поэзии, и философии Ницше: переосмыслять устойчивые понятия. Здесь он создает своего рода антигимн, перемежая высокий стиль с ироническими, а подчас даже насмешливыми высказываниями. Это видно уже из названия «Глупец! Пиита!». Русский перевод несколько снизил горькую иронию оригинала «Nur Narr! Nur Dichter!» («Только глупец! Только поэт!»). Здесь виден скептицизм, критика и ирония по отношению к своему творчеству, а также по отношению к «поэту» в самом широком смысле слова, к тому, кто считается «взыскующим истины», а на самом деле «меж поддельными небесами / крадущийся и шныряющий».

Особое предназначение поэта, важность поэтического слова для человека и для культуры осмысляется Ницше на примере Шекспира. В его фигуре поэт видит воплощение «поэтического», того, что было позабыто его наследниками: «Он умер, похоронен и забыт. / Во мху, среди седых камней, могила, / Которую никто не посетит <...> В крови и смуте стих последний стих, / Донесшийся из века золотого, / Когда британцы чтили не святых, / А тех, чье чудодейственное слово / В священный трепет повергало их <...> Туман висит меж царством тьмы и света, / А сквозь него проходит путь лучей. Удел и назначение поэта / Не мрак пронзить стрелой своих речей, / А мглу, туман, унылые тенета, / В которых увязает книгочей, – / И Только луч, венчая землю с твердью, сверкает над забвением и смертью! <...> Лишь лучшие – а их ничтожно мало, – / Лишь вечность на поэта уповала!» (пер. Н. Голя) [4, с. 126–127].

Здесь предназначение поэта осмыслено в высоком, сакральном смысле. Поэт – тот тот, чье чудодейственное слово ввергает в священный трепет. Здесь артикулируется та же мысль, что и в «Веселой науке»: поэзия – нечто магическое, нечто, способное к очищению души. Семантизация ритма и его суггестивность роднит поэзию с её первоначальной формой – заговорами и заклинаниями. Поэзия в таком случае может пониматься как первооснова коммуникации человека с трансцендентным. Кроме того, сравнивая поэзию с прозой, Ницше утверждает, что последняя может быть создана только «перед лицом поэзии» [4, с. 345]. Американский исследователь Дж. М. Холл (J. M. Hall) определяет в таком случае ницшевскую трактовку поэзии как первооснову письма вообще («arche of writing»). Он пишет: «Подобно тому, как в профессиональном танцевальном сообществе часто утверждается, что балет является основополагающим танцем, Ницше утверждает, что поэзия является основополагающим лингвистическим

искусством, первоосновой письма (*arche of writing*). Другими словами, что-либо иное, кроме поэзии, может быть написано только путем, так сказать, обращения поэзии против нее самой, отнятия поэтического у поэзии» [8, с. 103].

Фигура поэта в таком случае может быть отождествлена с фигурой пророка, однако Ницше иронизирует над этим в духе «Веселой науки». В стихотворении «Призвание поэта» из «Песен принца Фогельфрай» видна несерьезность, игра, ирония. Здесь читается сомнение в фигуре поэта, в легитимности утверждения себя как творца поэтических текстов: «Молодецкая потеха –/ За стишком строчить стишок, / Но презрительного смеха / От себя ч скрыть не смог: / Ты, выходит, стихотворец? / Прокляни свою судьбу / “Сударь мой, вы стихотворец”, – / Молвил дятел на дубу» (пер. В. Топорова) [4, с. 526]. Таким образом, Ницше показывает фигуру поэта с двух ракурсов, с одной стороны как пророка или мага, владеющего сакральным инструментом воздействия на души и умы слушателей, а с другой стороны низвергает его до лжеца. В афоризме 222 он пишет: «поэт видит в лгуне своего молочного брата, у которого он отнял молоко» [4, с. 404]. Примечательно, что у Ницше эти две сущности не вступают в противоречие, а являются, по сути, выражением одной и той же творческой силы, которая на рубеже веков приобретает всеобъемлющий и всепроникающий характер.

Другие мотивы *fin de siècle* также нашли свое отражение в лирике Ницше. Показательно стихотворение «Солнце садится» («Die Sonne sinkt», цикл «Дионисийские дифирамбы»):

«День моей жизни! / Солнце садится. / Ровная гладь реки / зазолотилась уже. / Веет теплом от скалы: / не проспало ли / счастье весь день своим сладким сном? / В зеленом вечернем свете / счастье еще разыграет бурая бездна» (пер. В. Топорова) [4, с. 74]. Как и в стихотворении «Глупец! Пиита!», тут отчетливо видно влияние Гёльдерлина. Начальные строфы Ницше звучат как эхо знаменитого стихотворения «Половина жизни» Гёльдерлина. Однако здесь интересна и цветовая палитра стихотворения. Соединение цвета и звука, живописи и поэзии, так называемый «синтез искусств» (*Gesamtkunstwerk*) – одна из генеральных идей эпохи *fin de siècle*. Подобные поэтический эксперимент был заложен еще А. Рембо (стихотворение «Гласные»), однако такая «цветопись» нашла свое воплощение в лирике немецкого и австрийского экспрессионизма. Предвосхитив здесь экспрессионистов, Ницше использует яркие цветовые образы: «золотая гладь реки», «зеленый вечерний свет», «бурная бездна». Тем не менее, при всей цветовой насыщенности, стихотворение пронизано ощущением печали, уныния и «заката». Риторический вопрос в середине текста создает ощущение некой меланхолии, невыговоренной скорби.

Меланхолические настроения – еще одна отличительная черта поэзии эпохи *fin de siècle*. На рубеже XIX–XX вв. это уже не прекрасное чувство легкой печали, а неотъемлемая участь человека, постоянно наблюдающего несовершенство этого мира. Такое мироощущение нашло свое отражение в стихотворении «Гимн меланхолии»: «Как варвар перед идолом-божком, / Так я пред Меланхолией склонялся / Не раз, не два, и был ее рабом, / И вспоминал, и каялся, / И радовался: вот летает гриф, / И радовался: гром трубит тревогу, / А ты, богиня, тайну тайн открыв, / Меня судила праведно и строго. // Гриф – твой урок, чтоб я полет постиг. / Гром – твой урок, чтоб я постиг пространство. / Мне объяснил безмолвный мой язык / Мою ничтожность и непостоянство» (пер. Н. Голя) [4, с. 123]. В последней строфе заключается важный для всего периода *fin de siècle* лейтмотив «ничтожности и непостоянства» человеческого существования.

Небольшое по объему поэтическое наследие Ницше поражает разнообразием поэтических образов, а также четко ограниченным, на первый взгляд даже узким кругом переживаний, фундаментальных поэтических состояний. Поэзия Ницше насквозь пронизана философией. Он, следуя романтической традиции, включал свои поэтические произведения в философские труды. Отличительная черта лирики Ницше – соединение образности с философичностью, наличие глубинного подтекста. Немецкий поэт-экспрессионист Готфрид Бенн писал: «Практически все, о чем спорили мои современники, до сути чего пытались добраться – кто-то мог бы сказать, выстрадали, или вытерпели – все это уже было выражено и высказано Ницше, который сумел найти самые точные слова; все остальное – интерпретации» [Цит. по: 3, с. 551].

Таким образом, основные мировоззренческие установки эпохи *fin de siècle* (настроение упадка и уныния, восприятие мира в его парадоксальности, трагизм и утонченный лиризм, мистическое понимание истоков человеческого творчества и, вместе с тем осознания бренности и хрупкости самого человека) нашли свое отражение в поэзии Фридриха Ницше. Его философско-поэтическое наследие во много стало основой для последующих эстетических исканий поэтов XX века.

1. Аствацатуров, А. Г. Три великие книги Фридриха Ницше // Стихотворения; философская проза / Ф. Ницше. – СПб. : Художественная литература, 1993. С. 22–60.
2. Гарнье, Ж. Ницше: перевод с французского / Жан Гранье. – Москва : АСТ, Астрель, 2005. – 158 с.
3. Кауфман, В. Ницше: философ, психолог, антихристианин / Вальтер Кауфман. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2016. – 654 с.
4. Ницше, Ф. Стихотворения; Философская проза / сост., вступ. ст. М. Кореневой. – СПб. : Худож. лит., 1993. – 672 с.

5. Хренов Н. А. Социальная психология искусства: переходная эпоха / Н.А.Хренов. – Москва : Альфа-М, 2005. – 622 с.
6. Юнгер Ф. Г. Ницше / Фридрих Георг Юнгер. – М. : Праксис, 2001. – 252 с.
7. Grätz, K. Nietzsche als Dichter: Lyrik – Poetologie – Rezeption / Katharina Grätz, Sebastian Kaufmann. – Berlin, Boston: De Gruyter, 2017. – 488 S.
8. Hall, Joshua M. Slanted Truths: The Gay Science as Nietzsche's Ars Poetica [Electronic resource] // Evental Aesthetics. – 2016. – Vol. 5, № 1. – P. 98–117. Mode of access: <https://philarchive.org/archive/HALSTT-2>. – Date of access: 08.02.2022.